

Блондинка
с характером

Нина Кислицына

Блондинка с характером

«Автор»

2026

Кислицына Н.

Блондинка с характером / Н. Кислицына — «Автор», 2026

Дэйли — блондинка, из-за которой мужчины теряют голову. Красивая, весёлая, языкая и совершенно невыносимая: каждого, кто подходит знакомиться, она разбирает по косточкам — не сходя с места и не переставая улыбаться. Мужчин Дэйли отшивает, над мужчинами смеётся, и в этом она давно чемпионка. Пока не встречает того, кого нельзя вывести из себя. Франк — тот, кому всегда достаётся всё. Женщины сами вешаются ему на шею, и он давно привык к чужому восхищению — и к тому, что отказов не бывает. Новогодняя ночь наконец обрывает всё это страстью — и утром оба решают, что совершили ошибку, которую нужно забыть. Не выходит. Франк срывает её свидание и требует, чтобы она так не поступала. Дэйли бросает ему в лицо «ненавижу» и требует, чтобы он отстал. Он отстаёт. Приходит с другой — и представляет её друзьям как невесту. Любовная комедия о двух людях, которые полгода убеждали себя и весь мир, что терпеть друг друга не могут, — и о том, что от ненависти до «навсегда» иногда ровно один Новый год.

© Кислицына Н., 2026

© Автор, 2026

Нина Кислицына

Блондинка с характером

Глава 1

Дэйли опоздала на сорок минут и не жалела об этом ни секунды. Она прошла через двор к бассейну так, как ходят по подиуму: подбородок поднят, бедро чуть вперёд, волосы — светлая волна, которую ветер не смел растрепать. Платье на ней было короткое, цвета шампанского, и в вечернем свете оно делало её похожей на ледяную конфету. Мужчины у гриля замолчали первыми. Женщины у стола с лимонадом — вторыми.

Сюзанна, хозяйка праздника, в золотой бумажной короне, закатила глаза и пошла ей навстречу.

— Ну наконец-то, — сказала она, обнимая её. — Я думала, ты вообще не придёшь.

— Я думала, что не приду, — Дэйли поправила корону на её голове, — но потом решила, что твой день рождения без меня будет просто барбекю.

— Ты опоздала из-за него? — Сюзанна кивнула на высокого парня, который махал Дэйли с шезлонга.

Дэйли даже не посмотрела в ту сторону.

— Из-за кого? Я не помню имена, я помню только, что он слишком долго рассказывал про свою зарплату. Как будто это интересно.

Она взяла бокал, отпила и оглядела двор. Сьюзен проследила её взгляд.

— Осторожно, — негромко сказала подруга.

— Что?

— Франк здесь.

Дэйли услышала это имя впервые, но по тону Сюзанны поняла, что должна была слышать раньше. Она не любила, когда от неё что-то скрывали.

— И кто такой Франк?

— Тот, на кого все смотрят.

— Все смотрят на меня.

— Сейчас, — Сюзанна подняла брови, — уже не только на тебя.

Дэйли повернула голову.

Он стоял у дальнего края бассейна с бутылкой пива, и три девушки вокруг него смеялись так, будто он только что сказал самое остроумное, что они слышали за год. Он был высокий, с тёмными волосами, в белой рубашке с закатанными до локтя рукавами. Даже с такого расстояния Дэйли заметила, что он не смеётся вместе с ними. Он улыбался уголком рта, как человек, который знает, что смех в кругу обеспечен без его участия.

Дэйли фыркнула.

— Это он? Высокомерный в белой рубашке?

— Обычно женщины называют его по-другому, — сказала Сюзанна.

— Например?

— Например, «тот, ради которого стоит задержаться».

Дэйли поставила бокал на поднос с такой точностью, что лёд звякнул.

— Я не задерживаюсь ради мужчин. Мужчины задерживаются ради меня.

Она взяла у Сюзанны корону — ту самую, золотую, бумажную, — надела себе на голову и пошла к бассейну.

Девушки вокруг Франка расступились, когда она подошла. Не потому, что она их попросила, а потому, что от неё шло то особое свечение, при котором всем остальным оставалось только посторониться.

— Ты, должно быть, Франк, — сказала Дэйли.

Он оглядел её с головы до ног. Медленно. Без улыбки. Потом задержал взгляд на бумажной короне.

— А ты, должно быть, Дэйли.

— Откуда ты знаешь?

— Сюзанна предупреждала, что придёт одна блондинка, которая портит людям праздники.

Дэйли улыбнулась самой сладкой из своих улыбок.

— Значит, обо мне уже предупреждают. Приятно. А тебя зачем позвали? Развлекать девушек дешёвым обаянием?

— Дорогим, — поправил он и сделал глоток пива. — Не путай.

Девушки вокруг засмеялись. Дэйли не обернулась, но услышала этот смех и запомнила его.

— Ты смотришь на меня, как на меню, — сказала она.

— А ты на меня — как на официанта.

— Официант хотя бы что-то приносит.

— Тогда что тебе принести? — Франк поднял бровь. — Лимонад, лёд, корону получше?

— Уйди с моего солнца, — отрезала Дэйли.

— Я стою сбоку.

— Тогда уйди с моего настроения.

Франк улыбнулся — медленно, одними губами, — и в этой улыбке не было ни злости, ни желания спорить. Было что-то хуже: интерес.

— А ты забавная, когда злишься.

— Я не злюсь.

— Конечно. Поэтому у тебя в руке сжатый кулак.

Дэйли опустила взгляд. Пальцы и правда сжались сами. Она разжала их, но было поздно: он заметил, и она знала, что он заметил, и он знал, что она знает. Она развернулась и пошла прочь. Спина прямая, шаг лёгкий. Только у самого стола с напитками она позволила себе шумно выдохнуть.

— Ну как? — спросила Сюзанна, возникшая рядом.

— Он бесит.

— Вы поговорили минуточку.

— Этого хватило.

Сюзанна улыбнулась.

— Знаешь, что говорят про Франка?

— Мне неинтересно.

— Говорят, что он ни разу ни за кем не бегал. Женщины сами приходят.

Дэйли взяла с подноса клубнику, откусила и посмотрела на подругу так, словно та только что предложила ей завести комнатную собачку.

— Тем хуже для них. Я ни за кем не бегаю. И уж точно не за мужчиной в белой рубашке, который держит пиво как реквизит.

— Он его и есть реквизит, — не согласилась Сюзанна. — Весь вечер стоит, а вокруг уже три подруги нашлись.

— Пусть стоят. Пусть смеются. Пусть делают вид, что им весело.

— А тебе весело?

Дэйли бросила хвостик клубники на поднос.

— Мне станет весело, когда он уйдёт.

Она огляделась. Гости пили, ели, болтали. Кто-то полез в бассейн прямо в джинсах. На краю шезлонга тот самый парень, который рассказывал про зарплату, теперь рассказывал про машину — двум другим девушкам. Дэйли вдруг поймала себя на том, что не слышит ничего

из этого. Она слышала только, как где-то за спиной, у дальнего края бассейна, снова рассмеялись те трое. Она повернулась. Франк всё ещё стоял там. И смотрел прямо на неё. Он не отвёл взгляд. Не сделал вид, что смотрит куда-то мимо. Просто стоял и смотрел, и в этом взгляде было столько спокойствия, что Дэйли на секунду почувствовала себя под прожектором. Она развернулась и пошла к дому. У задней двери остановилась, прислонилась к перилам крыльца и постаралась дышать ровно. Глупость какая-то. Мужчина посмотрел на неё. Все на неё смотрели. Это было нормально, привычно, как утренний кофе. Но этот смотрел иначе — не как на красивую, а как на раздетую до самых мыслей.

— Он снова смотрит, — сообщила Сюзанна, подойдя сзади. Она уже успела снять корону и теперь крутила её на пальце.

— Пусть смотрит.

— Ты ушла с веранды. Это почти бегство.

— Это перегруппировка.

— Угу. — Сюзанна надела корону ей на голову. — Блондинки не отступают, Дэйли. Они перегруппировываются. Ты сама так говорила.

Дэйли сжала зубы. Она действительно так говорила — в прошлом году, когда отшила троих подряд за один вечер и ушла в клуб через чёрный ход.

— Хорошо, — сказала она. — Тогда пойду и покажу ему, что мне всё равно.

— Так, чтобы он это понял, — поправила Сюзанна. — А не просто развернёшься и уйдёшь.

— Спасибо за инструктаж, мама.

— Не за что, дочь.

Дэйли вернулась к бассейну. Она шла медленно, бедром задевая воздух, и по дороге взяла у барной стойки второй бокал — будто бы для кого-то. Остановилась у шезлонгов, где сидел тот самый парень с рассказами о зарплате. Он снова открыл рот, и Дэйли сунула ему бокал.

— Подержи, — сказала она. — И помолчи немного. У меня вечер.

Парень ошалело кивнул. Дэйли двинулась дальше, к самому краю бассейна, туда, где стоял Франк.

Теперь вокруг него была только одна девушка — рыжая, в жёлтом купальнике, слишком близко. Она что-то шептала ему на ухо, а Франк слушал с тем же выражением, с каким смотрят на заставку телефона. Дэйли подошла и встала между ними, плечом чуть задев рыжую.

— Извини, — сказала она, не оборачиваясь. — Дальше я.

Рыжая открыла рот, перевела взгляд на Франка. Тот едва заметно пожал плечами — мол, не ко мне. Рыжая фыркнула и ушла.

— Зачем ты так? — спросил Франк, но без осуждения. Скорее с любопытством.

— Ты всё равно её не слушал.

— Я слушал.

— И что она говорила?

Франк помолчал.

— Что-то про море, — признался он.

Дэйли усмехнулась.

— Вот именно. Я спасла вас обоих.

— Она так не думает.

— Она ещё вернётся. Они всегда возвращаются.

Франк посмотрел на неё долго, и Дэйли выдержала этот взгляд. Вернее, попыталась. Это оказалось труднее, чем она думала: у него были тёмные глаза, и в сумерках они казались совсем чёрными.

— Ты специально пришла, — сказал он.

— Я просто стою у бассейна.

— Ты пришла, чтобы я на тебя посмотрел.

— Не льсти себе.

— А ты не делай вид, что тебе всё равно.

Дэйли подняла подбородок.

— Мне всё равно.

— Тогда почему у тебя снова сжат кулак?

Она не опустила взгляд. Просто разжала пальцы — медленно, по одному, — и помахала ему ладонью.

— Это не кулак. Это приветствие.

Франк вдруг шагнул ближе. Не грубо, но так близко, что она почувствовала запах его одеколона — горький, с нотой кедра. И пива. И ещё чего-то тёплого, от вечерней жары.

— Знаешь, что я думаю, Дэйли?

— Мне неинтересно.

— Я думаю, ты боишься.

— Чего?

— Что тебе кто-то понравится по-настоящему. Не очередной красавчик с машиной и зарплатой, а кто-то, с кем придётся не играть, а быть.

Дэйли рассмеялась — коротко, зло, как бьют по щеке.

— Ты сейчас про себя, да?

— А ты как думаешь?

— Я думаю, что ты слишком много о себе понимаешь.

— Возможно. — Франк снова отпил пиво, не отводя взгляда. — Но я хотя бы не сбегую с веранды.

У Дэйли вспыхнуло лицо. Не от смущения — от ярости. Он снова заметил, и снова она знала, что он заметил.

— Я ухожу, — сказала она.

— Ты уже уходила. Это тоже было похоже на бегство.

— А это не бегство. Это конец разговора.

— Разговор только начался.

— Для тебя, может быть. Для меня он закончился в тот момент, когда ты решил, что можешь меня читать.

Она развернулась. Сделала два шага. Он не стал её останавливать — и именно это вывело её сильнее всего. Она ждала, что он что-то скажет. Какое-нибудь «подожди». Или «я не хотел». Или хотя бы окликнет. Он не сказал ничего. Она дошла до калитки, не оборачиваясь. У самой калитки её перехватила Сюзанна.

— Ты куда?

— Домой.

— Ты же только пришла!

— Я уже была.

Сюзанна схватила её за локоть, заглянула в лицо и вдруг улыбнулась — так, как улыбаются подруги, когда видят то, о чём не скажешь вслух.

— Он тебя задел.

— Он меня не задел. Он меня разозлил.

— Это одно и то же, когда речь о Франке.

Дэйли выдернула локоть.

— Ничего это не значит. Просто он самодовольный, наглый, читающий людей по кулакам тип. И я больше не хочу о нём говорить.

— Хорошо. — Сюзанна подняла руки. — Не говорим.

Они постояли у калитки. С бассейна снова донёлся смех — на этот раз громкий, общий, и среди голосов Дэйли различила один, низкий. Она запретила себе оборачиваться.

— Я вызову такси, — сказала она.

— Останься, — попросила Сюзанна. — Торт ещё не выносили. И вообще, это мой день рождения.

Дэйли посмотрела на подругу, на её бумажную корону, которую так и не вернула, — и вздохнула.

— Ладно. Только ради тебя. И ради торта.

Она вернулась во двор, села на дальний шезлонг, подальше от бассейна, и весь оставшийся вечер делала вид, что ей совершенно всё равно, кто на неё смотрит. Но когда выносили торт, она не удержалась и бросила один быстрый взгляд через плечо.

Франк стоял у барной стойки и разговаривал с той самой рыжей.

И он смотрел не на рыжую. Он смотрел на Дэйли.

Через четыре дня Дэйли сидела в ресторане на набережной и скучала.

Глава 2

Свидание было с Джаредом — тёмноволосым, с подбородком как у манекена и машиной, о которой он успел упомянуть трижды за первые пятнадцать минут. Дэйли заказала лосося, потому что лосось хотя бы не говорил. Джаред заказал стейк с кровью и принялся объяснять разницу между сортами говядины.

— А ты попробуй мраморную, — говорил он, пережёвывая. — После неё обычная уже не зайдёт.

— Угу, — Дэйли ковыряла вилкой гарнир.

— Я вообще считаю, что женщина должна уметь выбирать мясо. Это базовое. Ну, как мужчина должен уметь водить.

— Угу.

— А ты водишь?

— Угу.

— На чём?

Дэйли подняла на него глаза. Хотелось сказать: «На мужчинах, которые рассказывают мне про мраморную говядину». Но она улыбнулась и наклонила голову к плечу.

— Представь, я не помню. Что-то беленькое.

Джаред засмеялся — слишком громко, и она поняла, что он принял её ответ за милую женскую глупость. Ну и пусть.

Она оглядела зал. Белые скатерти, свечи в стаканах, вечерний свет из панорамных окон. За окном темнела вода, и по ней ползли огни катеров. Красиво. И скучно.

Именно тогда она его увидела.

Франк сидел за столиком у окна, напротив стройной брюнетки в красном платье. Он был в тёмном пиджаке, без галстука, и что-то рассказывал — негромко, наклонившись к спутнице. Та смеялась, прикрывая рот ладонью.

Дэйли отложила вилку.

— Оу, — вырвалось у неё.

— Что? — Джаред проследил её взгляд. — Знакомый?

— Нет. — Дэйли снова взяла вилку. — Просто вспомнила кое-что.

Она заставила себя не смотреть. Не получилось. Франк сидел вполоборота, и ей было видно, как двигаются его губы, как он откидывается на спинку стула, как поправляет рукав. Брюнетка смотрела на него снизу вверх, как смотрят на витрину, за которой выставлено что-то очень дорогое.

«Интересно, он ей тоже говорит, что она боится нравиться по-настоящему?» — подумала Дэйли. Она сжала вилку.

— Слушай, — сказала она Джареду. — Ты не против, если я на минуту отойду?

— Конечно, — Джаред поднялся раньше, чем она встала, — я пока закажу ещё вина.

Дэйли пошла не в сторону дамской комнаты. Она пошла к столику у окна. Франк заметил её, когда она была уже в пяти шагах. Его бровь дрогнула — и на мгновение во взгляде мелькнуло что-то, похожее на удовольствие. Или на вызов. Она так и не поняла.

— Дэйли, — сказал он. — Не ожидал.

— Почему? Все порядочные рестораны знают моё имя.

— Тебя здесь тоже предупреждают?

— Меня здесь любят.

Брюнетка переводила взгляд с одного на другого. Улыбка на её лице медленно остывала.

— Ты не познакомишь нас? — спросила Дэйли, не глядя на неё.

Франк усмехнулся.

— Это Виктория. Виктория, это Дэйли. Моя...

Он сделал паузу.

— ...случайность.

Дэйли почувствовала, как внутри что-то щёлкнуло.

— Случайность, — повторила она. — Как мило. Обычно меня называют иначе.

— Например?

— Например, «девушка, которую не забывают».

Виктория натянуто улыбнулась.

— Мы с Франком, вообще-то, разговаривали.

— Вы сидели и смеялись над его шутками. Это не разговор, это аудиенция.

— Дэйли, — негромко сказал Франк, и в его голосе прозвучало предупреждение.

— А что? — Дэйли развела руками. — Я просто прохожу мимо. И между прочим, я на свидании. У меня там стейк стынёт.

— Мраморный? — уточнил Франк.

— Откуда ты...

Он кивнул на её столик, где Джаред уже размахивал руками, подзывая официанта.

— По тому, как твой спутник объясняет официанту про прожарку, я бы поставил на medium rare.

Дэйли фыркнула.

— Ты всё время смотришь по сторонам? Так вот почему ты не слушаешь девушек, которые шепчут тебе про море.

Франк откинулся на спинку.

— Я слушал.

— Что она говорила?

— Что у неё отец — капитан и она выросла на яхте.

— Соврал бы что-нибудь поизящнее.

— Зачем? — Франк улыбнулся. — Мне не нужно ничего выдумывать.

Дэйли наклонилась к столу, упершись ладонями в скатерть.

— А тебе вообще хоть раз в жизни было не всё равно?

Он посмотрел ей в глаза — прямо, спокойно.

— Было. Сейчас, например.

На секунду Дэйли потеряла нить. Воздух между ними стал плотным, как перед грозой. Виктория что-то сказала, но Дэйли не услышала. Она слышала только его последнюю фразу, и та отдавалась где-то под рёбрами. Потом она вспомнила, где находится. И кто она. И что он ей сказал четыре дня назад — про то, что она боится.

— Знаешь, — она выпрямилась, — я пришла испортить тебе вечер. Как ты испортил мне день рождения подруги.

— Испортил? — Франк поднял брови. — Я думал, это ты ушла с праздника в ярости.

— Это было возмущение, а не ярость.

— У твоего возмущения был очень сердитый шаг.

— Ты следил за моей походкой?

— Трудно было не заметить. Ты ходишь, как по минному полю, когда злишься.

Дэйли открыла рот. Закрыла. Виктория вдруг рассмеялась — негромко, но с явным облегчением, как человек, понявший, что между этими двумя есть что-то, к чему она не имеет отношения.

— Пойду припудрю нос, — сказала она и встала.

Дэйли и Франк остались вдвоём.

Она не собиралась садиться. Но стул напротив был свободен, и стоять было глупо, и она села — резко, как садятся, чтобы что-то доказать.

— Тебе не кажется, что ты переигрываешь? — спросил Франк.

— Тебе не кажется, что ты задаёшь слишком много вопросов?

— Это был один.

— Для начала хватит.

Он помолчал, потом медленно накрыл её ладонь своей. Дэйли вздрогнула и одёрнула руку.

— Что ты делаешь?

— Проверяю.

— Что?

— Сбежишь ли ты снова.

Она замерла. Его рука лежала на скатерти, там, где секунду назад была её. Тёплая, с длинными пальцами, с едва заметной царапиной на костяшке.

— Я не сбегаяю, — сказала Дэйли. Голос получился тише, чем она хотела.

— Тогда потанцуй со мной.

— Что?

— Потанцуй. Здесь играет музыка. Или ты боишься танцевать?

— Я не боюсь танцевать.

— Тогда вставай.

Она встала раньше, чем успела придумать причину не вставать. Он обошёл стол и подал ей руку. Дэйли посмотрела на эту руку так, словно ей предлагали подписать договор с дьяволом, но вложила свою — и тут же пожалела: пальцы у него оказались тёплыми и крепкими, и он сжал их не сильно, но так, что выдернуть руку было бы слабостью. Они вышли на свободное место между столиками. Играла медленная гитара, что-то испанское, с ленивым перебором. Дэйли положила руку ему на плечо. Он положил свою ей на талию — чуть ниже, чем принято, и она почувствовала это всей кожей сквозь тонкое платье.

— Расслабься, — сказал Франк.

— Я расслаблена.

— У тебя спина как доска.

— Это осанка.

— Это защита.

Она подняла на него глаза и хотела ответить что-то едкое, но он повёл её в поворот, и слова куда-то вылетели. Он двигался плавно, без суеты, и вести его было легко — даже слишком легко, как будто она танцевала с ним сто раз.

— Ты танцуешь, — заметила Дэйли.

— Ты тоже. И неплохо.

— Не надо делать мне одолжение.

— Это не одолжение. Это факт.

Он развернул её — один быстрый, чёткий разворот, — и она снова оказалась к нему лицом, ближе, чем была. Теперь её грудь почти касалась его груди, и она чувствовала тепло, идущее от него, и тот самый запах — кедр, вечер, чужая кожа.

— Зачем ты пришла к моему столику? — спросил он тихо.

— Я же сказала. Испортить тебе вечер.

— И как успехи?

— Пока средне.

— А по-моему, ты его улучшаешь.

Дэйли усмехнулась, но усмешка вышла какой-то неровной, потому что его рука скользнула по её талии вниз, к бедру, и задержалась там — на секунду дольше, чем позволяют танцы в приличном ресторане.

— Руки, — сказала она.

— Что руки?

— Убери. Ниже талии нельзя.

— Кто сказал?

— Я сказала.

— А я думал, ты не боишься.

Она снова посмотрела на него. Он смотрел на неё сверху вниз, и в его тёмных глазах плясал отблеск свечи. Дэйли вдруг поняла, что дышит ртом, и закрыла губы.

— Я не боюсь, — сказала она. — Я просто не позволяю.

— Позволь.

Он сказал это так просто, без нажима, без улыбки, что у неё на мгновение ослабли колени. Он почувствовал это — обязательно почувствовал, — потому что притянул её ещё ближе, и теперь между ними не осталось воздуха. Его бедро коснулось её бедра. Она ощутила твёрдую мышцу, тепло, и что-то внутри неё отозвалось — низко, внизу живота, как дрожащая струна.

— Франк, — сказала она, и его имя прозвучало у неё иначе, чем она хотела. Слишком мягко.

— Да?

— Это всего лишь танец.

— Конечно, — он наклонил голову, и его губы оказались у её виска. Она почувствовала его дыхание на волосах. — Всего лишь танец.

Он вёл её медленно, и музыка тянулась, как мёд. Его рука на её спине сдвинулась чуть выше, потом ниже, пальцы проšli по позвоночнику — легко, как будто случайно, — и Дэйли поймала себя на том, что прижимается к нему сильнее. Она не хотела этого. Она не хотела, чтобы он это видел.

— Ты дрожишь, — сказал он.

— Кондиционер.

— Здесь открыты окна.

— Значит, ты меня морозишь.

Он тихо рассмеялся — не обидно, а как-то интимно, будто они вдвоём знали секрет.

— Знаешь, что я понял про тебя, Дэйли?

— Не начинай.

— Ты устала.

— Я не устала.

— Устала. От мужчин, которые смотрят на тебя и не видят. От свиданий, на которых скучно. От того, что всё время надо быть красивой и язвительной, потому что иначе — никак.

Дэйли замерла. Он остановился вместе с ней.

— И что? — спросила она. Голос был чужой, сиплый. — Ты теперь психолог?

— Нет. Просто я тоже так живу.

Она посмотрела ему в глаза. Впервые за вечер — не как в дуэли, а как будто увидела что-то, чего не ожидала. На долю секунды его лицо перестало быть маской идеального незнакомца. Оно стало просто лицом. Усталым. И очень близким. Музыка сменилась. Гитара заиграла быстрее.

Дэйли моргнула — и наваждение спало. Она отступила на шаг.

— Хватит, — сказала она.

— Почему?

— Потому что это уже не танец.

— А что?

Она не ответила. Развернулась и пошла к своему столику. Ноги несли её ровно, хотя внутри всё дрожало.

Джаред сидел с бокалом вина и смотрел на неё с недоумением.

— Это что было?

— Ничего. — Дэйли взяла сумочку. — Извини. Мне пора.

— В смысле? Мы же только...

— Я заплачу за себя.

Она бросила на стол несколько купюр, больше, чем нужно, и вышла из ресторана. Вечерний воздух ударил в лицо, влажный, тёплый, пахнувший рекой и жасмином. Она стояла у входа, пытаясь отдышаться, и ненавидела себя за то, что обернулась.

Франк стоял у окна ресторана, по ту сторону стекла, и смотрел на неё. Он поднял руку. Не помахал. Просто приложил ладонь к стеклу. Дэйли сжала сумочку и пошла к машине. Она не обернулась второй раз. Почти.

Домой Дэйли доехала на такси, глядя в окно на огни, и всю дорогу прокручивала в голове его руку на стекле. Зачем он это сделал? Зачем вообще весь этот танец? И главное — почему у неё до сих пор горела талия там, где он её держал.

Она скинула туфли у порога, прошла босиком на кухню, налила в стакан воды и выпила залпом. Вода была тёплой и не помогла.

— Не думай о нём, — сказала она вслух.

Тишина квартиры была плохим собеседником. Дэйли включила телевизор, упала на диван и уставилась в экран, не видя ни кадра. Перед глазами стоял Франк: тёмные глаза, губы у виска, рука, идущая по позвоночнику. Она застонала и уткнулась лицом в подушку. В голове боролись две Дэйли. Одна — та, что отшивала мужчин, смеялась им в лицо и уходила с вечера с короной на голове, — говорила: «Это просто мужчина. Один из сотни. Завтра ты его не вспомнишь». Вторая — тихая, противная — отвечала: «Ты уже вспоминаешь. Прямо сейчас». Дэйли перевернулась на спину и уставилась в потолок.

— Он высокомерный, — сказала она потолку. — Наглый. Слишком много о себе понимает. И танцует. Ну и что.

Она взяла телефон, полистала ленту. Наткнулась на фотографию с дня рождения Сюзанны — гости у бассейна, торт, чьи-то ноги в воде. И где-то на краю кадра, размытый, стоял Франк. Дэйли отбросила телефон.

— Ненавижу.

Она проспала беспокойно. Ей снился ресторан, и танец, и его ладонь на стекле, только на этот раз он не стоял за окном, а был рядом, и она не уходила. Проснулась злая, с тяжёлой головой, и первым делом проверила телефон. Сообщений от Франка не было. Откуда бы им быть — он не знал её номера. Но она всё равно проверила.

Следующие дни Дэйли нарочно была занята. Ходила по магазинам, встретила с Сюзанной в кафе, сходила на два свидания подряд — с одним парнем в кино, с другим на ужин.

Оба были симпатичные, оба смотрели на неё как на чудо, и оба нагоняли скуку уже к середине вечера.

На третьем свидании, с блондином по имени Тайлер, она поймала себя на том, что смотрит не на него, а на дверь ресторана. Словно ждала, что сейчас войдёт тёмный пиджак, ленивый шаг, спокойное лицо. Тайлер что-то говорил про свои тренировки. Дэйли кивала и ненавидела себя.

— Ты сегодня рассеянная, — заметил Тайлер.

— Я не рассеянная. Я думаю.

— О чём?

— О том, что ты слишком много говоришь.

Тайлер обиделся. Дэйли не стала извиняться. Она оставила его с недоеденным десертом и ушла — просто потому, что впервые за долгое время мужчина рядом казался ей декорацией. И это было страшно.

Глава 3

Через неделю Сюзанна затащила её на ужин к общим друзьям. Квартира на верхнем этаже, много свечей, вино, смех. Дэйли надела чёрное платье — узкое, с открытой спиной — и пришла с опозданием на двадцать минут, чтобы все обернулись. Все и обернулись. И среди обернувшихся был Франк. Он стоял у панорамного окна с бокалом тёмного вина, в простой чёрной футболке, которая обтягивала плечи и грудь. Рядом с ним не было девушек. Он был один, и смотрел на неё так, будто ждал именно её.

Дэйли замерла на пороге. Внутри всё сжалось, потом вспыхнуло, потом снова сжалось.

— Ты не говорила, что он будет, — прошептала она Сюзанне, не разжимая губ.

— А ты не спрашивала.

— Это ловушка.

— Это ужин. Проходи.

Дэйли прошла. Она двигалась к столу с той самой походкой, которую сама называла «походка по минному полю», — ровно, осторожно, с поднятым подбородком. Франк не сводил с неё глаз.

Вечер покатился. Говорили обо всём и ни о чём. Дэйли сидела напротив, через стол от Франка, и делала вид, что ей интересно слушать про чей-то ремонт. Он молчал и смотрел. Она чувствовала этот взгляд кожей — на плечах, на шее, на открытой спине.

— Ты чего такая напряжённая? — шепнула Сюзанна.

— Я не напряжённая.

— Ты вилку не тем концом держишь.

Дэйли опустила взгляд. И правда. Она перевернула вилку и едва не рассмеялась в голос — так глупо это выглядело.

После ужина все вышли на балкон. Город лежал внизу, огромный, усыпанный огнями, и тёплый ветер трогал занавески. Дэйли встала у перил, подальше от всех. Конечно, он подошёл.

— Не ожидал тебя увидеть, — сказал Франк.

— Врёшь. Ты смотрел на дверь с той секунды, как я вошла.

— Допустим. — Он встал рядом, облокотился на перила. — Ты ушла с нашего танца.

— Это был не наш танец.

— А чей?

— Не знаю. Твой и музыки.

Франк усмехнулся.

— Ты специально такая колючая?

— Ты специально такой спокойный?

— Да.

Дэйли повернулась к нему. Ветер подхватил её волосы, бросил на лицо. Он протянул руку и убрал прядь ей за ухо. Просто, спокойно, как будто имел на это право.

Она не отодвинулась. И это было хуже всего.

— Зачем ты это делаешь? — спросила она.

— Что?

— Трогаешь меня так, будто мы уже вместе.

— А мы не вместе?

— Нет.

— Жаль, — сказал он и убрал руку.

Дэйли отвернулась к городу. Сердце колотилось где-то в горле. Она ненавидела его за это спокойствие, за эту лёгкость, за то, что он мог подойти, убрать ей волосы с лица и не сгореть при этом дотла. А она — сгорала.

— Почему ты не бегаешь за женщинами? — спросила она, не глядя на него.

— А зачем?

— Потому что мужчины обычно бегают.

— Я не обычно.

— И что, ни разу?

Он помолчал.

— Однажды, — сказал он. — Но не буду рассказывать. Ты не готова.

Дэйли резко повернулась.

— Я? Не готова? Ты вообще меня не знаешь.

— Знаю больше, чем ты думаешь.

— И что же?

Франк посмотрел на неё долго, потом перевёл взгляд на город.

— Например, то, что ты сейчас злишься не потому, что я подошёл. А потому, что я подошёл — и тебе от этого хорошо.

Дэйли открыла рот. Воздух кончился. Она смотрела на его профиль, на твёрдую линию челюсти, на то, как ветер шевелит тёмные волосы, — и не могла выговорить ни слова, потому что он был прав.

Она стояла, прижавшись спиной к перилам, и не могла отвести от него глаз. Ветер трепал её платье, холодок бежал по открытой спине, но внутри было жарко.

— Ты невыносим, — сказала она наконец. Голос сорвался, получился шёпот.

— Знаю, — Франк поставил бокал на перила. — Но тебе со мной не скучно.

— С чего ты взял?

— Ты сюда пришла. И ты всё ещё стоишь рядом.

Дэйли хотела отойти. Правда, хотела. Но ноги будто приросли к полу, а сердце стучало так, что, казалось, он слышит.

— Ты мне никто, — сказала она, глядя ему в глаза. — Случайность. Сам же говорил.

— Я врал.

— И сейчас?

— Сейчас — нет.

Он шагнул ближе. Ещё ближе, чем тогда в ресторане. Её затылок коснулся холодного металла перил, отступать было некуда. Франк не прикоснулся к ней — просто стоял вплотную, так что она чувствовала жар его тела сквозь воздух между ними.

— Скажи, чтобы я отошёл, — произнёс он тихо.

— Зачем?

— Чтобы я знал, что ты хочешь.

— А если не скажу?

— Тогда я пойму, что ты тоже этого хочешь.

Дэйли смотрела на его губы. Красивые, чётко очерченные, с лёгкой тенью щетины вокруг. Она ненавидела, что смотрит. Ненавидела, что хочет, чтобы он не отходил.

— Ты самоуверенный ублюдок, — прошептала она.

— И что ты с этим сделаешь?

Она не ответила. Вместо этого она сделала то, чего не ожидала от себя сама: подняла руку, упёрлась ладонью ему в грудь и толкнула — слабо, почти без силы, так что он даже не покачнулся. Просто накрыл её ладонь своей, прижал к себе. Её ладонь лежала на его сердце. И оно билось. Быстро. Так же быстро, как у неё.

— У тебя тоже, — выдохнула она.

— Что?

— Сердце. Оно стучит. Ты не такой спокойный, каким прикидываешься.

Франк улыбнулся — одними уголками губ, — и накрыл её вторую ладонь. Теперь обе её руки лежали у него на груди, а он держал их, тёплыми пальцами перебирая её холодные.

— Никто не спокоен рядом с тобой, Дэйли, — сказал он.

Сзади скрипнула дверь балкона.

— О, вы тут, — раздался голос Сюзанны. — А мы торт... ой.

Дэйли отскочила от Франка так, будто её ошпарили. Она одёрнула платье, поправила волосы, сделала шаг в сторону.

— Мы просто разговаривали, — сказала она слишком быстро.

— Ага, — Сюзанна переводила взгляд с неё на Франка и обратно. — Я видела, как вы «разговаривали». Очень убедительно.

— Сюзанна.

— Торт на столе. Идите, пока не растащили.

Она скрылась за дверью, но Дэйли успела заметить её улыбку — ту самую, понимающую, от которой хотелось провалиться сквозь пол.

Дэйли повернулась к Франку.

— Это ничего не значит.

— Конечно.

— Я серьёзно. На балконе просто ветер, вино, и я...

— И ты?

— Я не влюбляюсь.

— Я и не просил.

Он взял свой бокал с перил, сделал глоток и посмотрел на неё поверх стекла.

— Идём. Тебе же нравится торт.

— Откуда ты знаешь?

— Ты на дне рождения Сюзанны осталась ради торта. Я слышал.

Дэйли замерла.

— Ты слышал?

— Я стоял у калитки.

Она вспомнила тот вечер. Свой разговор с Сюзанной у калитки, слова «ради тебя и ради торта». Он слышал. Всё это время он был рядом, за её спиной, и слышал.

— Ты невозможен, — выдохнула она.

— Идём. Торт остынет.

Он взял её за руку. Просто взял — и повёл с балкона, через гостиную, к столу, где уже собрались все и делали вид, что не смотрят на них.

Дэйли шла за ним, и рука её лежала в его ладони, и она не вырывалась. И все это видели.

Кто-то присвистнул. Кто-то засмеялся. Сюзанна подняла бокал.

— Ну наконец-то, — сказала она.

— Заткнись, — беззлобно бросила Дэйли и села за стол.

Франк сел рядом. Слишком близко. Его колено под столом коснулось её колена. Она не отодвинулась.

Торт был шоколадный, с вишней. Дэйли ела и не чувствовала вкуса. Она чувствовала только его тепло рядом, и то, как его бедро касается её бедра, и то, как у неё горят щёки, и то, как все за столом улыбаются, переглядываясь.

— Они на нас смотрят, — прошептала она, не поворачивая головы.

— Пусть, — так же тихо ответил Франк. — Они давно этого ждали.

— Чего «этого»?

— Не знаю. — Он наклонился к её уху, и его дыхание коснулось её шеи. — Но они, кажется, знают лучше нас.

Дэйли сглотнула. Она положила вилку, потому что руки дрожали.

— Мне надо выйти, — сказала она.

— Опять бежишь?

— Нет. В туалет. Это разрешено?

— Иди, — Франк откинулся на спинку стула. — Только не задерживайся. Я умею скучать.

Дэйли встала. Прошла через гостиную к ванной, закрыла за собой дверь, включила холодную воду и уставилась на себя в зеркало.

На неё смотрела блондинка с блестящими глазами, растрепавшимися волосами и пятнами румянца на скулах. Красивая. Вздволнованная. Совершенно растерянная.

— Ты влюбляешься, — сказала она своему отражению. — В самого высокомерного мужчину в этом городе.

Отражение не ответило.

Дэйли прижала холодные ладони к щекам и закрыла глаза.

Где-то за стеной, в гостиной, смеялись гости, звенели бокалы, и среди всех голосов она снова различала один — низкий, спокойный, его. Она улыбнулась. Против воли. Совершенно против воли. Она вернулась за стол не сразу. Постояла у зеркала, поправила волосы, умыла запястья холодной водой, и только когда щёки перестали пылать, вышла. В гостиной было шумно. Кто-то включил музыку, кто-то танцевал у дивана. Сюзанна сидела в кресле с бокалом и, увидев Дэйли, помахала ей рукой.

— Иди сюда, — позвала она.

Дэйли села рядом, на подлокотник.

— Ну и долго ты в ванной, — заметила Сюзанна.

— Я красилась.

— Ты не красишься в гостях.

— Сегодня красилась.

Сюзанна покачала головой и отпила вина.

— Ты хотя бы сама понимаешь, что с тобой происходит?

— Ничего не происходит.

— Дэйли.

— Сюзанна.

Они посмотрели друг на друга. Сюзанна была её лучшей подругой, единственной, кому Дэйли позволяла говорить с собой вот так — без фальши, без лести.

— Он хороший, — тихо сказала Сюзанна. — Я знаю его два года. Все говорят про него разное, но на самом деле он просто не умеет быть как все. Ему скучно с женщинами, которые сами вешаются. Ему нужно, чтобы его зацепили.

— Я его не цепляю.

— Ты его переехала.

Дэйли фыркнула.

— Не смешно.

- А я и не шучу. Он впервые за два года ходит за кем-то. Вернее, за тобой.
- Он не ходит.
- Он стоит. Но так, что ты всегда натыкаешься.

Дэйли замолчала. Она не хотела признавать, что подруга права. Слишком часто за последние недели она «натыкалась» на Франка — и каждый раз это было не случайно. Она искала его глазами. Франк стоял у бара, разговаривал с хозяином квартиры, и что-то в его позе было расслабленное, домашнее, будто он здесь не гость, а хозяин. Он поймал её взгляд, чуть улыбнулся и поднял бокал. Дэйли отвернулась.

- Он меня бесит, — сказала она.
- Он тебе нравится.
- Это одно и то же.

Сюзанна рассмеялась.

- Ну, по крайней мере, ты честна.

Через час гости начали расходиться. Дэйли собиралась уезжать первой — вызвала такси, взяла сумку, попрощалась со всеми и вышла в прихожую. У лифта её догнал Франк.

- Тебя подвезти? — спросил он.
- Я вызвала такси.
- Отмени.
- С чего бы?

Он достал из кармана ключи, покрутил на пальце.

— Потому что я хочу тебя подвезти. И потому что ночь тёплая, и по дороге можно опустить окна.

Дэйли посмотрела на него. Стоял он как обычно — спокойно, чуть небрежно, и в полутьме прихожей лицо его казалось вырезанным из тени.

- Ты всегда добиваешься своего? — спросила она.
- Нет. Но с тобой хочется попробовать.

Лифт открылся. Дэйли вошла, Франк — следом, не дожидаясь приглашения. Двери закрылись.

В тесной кабине было тихо. Они стояли рядом, и Дэйли снова чувствовала его запах — тот самый, от которого у неё слабели колени. Она смотрела прямо перед собой, на своё отражение в стальных дверях. Он смотрел на неё.

- Ты дрожишь, — сказал он.
- Ты уже говорил.
- А ты снова дрожишь.
- Это лифт. Он холодный.

Франк ничего не ответил. Просто снял с себя пиджак — лёгким движением, одним плечом, — и накинул ей на плечи. Ткань ещё хранила его тепло, и пахло от неё им, и Дэйли на секунду прикрыла глаза.

- Не надо было, — сказала она, не открывая глаз.
- Надо.

Лифт остановился на первом этаже. Двери разъехались, впустили ночной воздух. Дэйли стянула пиджак и протянула ему.

- Заберёшь.
- Оставь себе. Тебе идёт.
- Франк.
- Что?

Она не ответила. Просто сунула пиджак ему в руки, вышла из лифта и пошла к выходу. Спинай чувствовала, что он идёт следом. У подъезда стояла её машина такси — жёлтая, с

работающим счётчиком. Дэйли взялась за ручку двери и обернулась. Франк стоял в двух шагах, пиджак небрежно перекинут через руку.

— Спокойной ночи, Дэйли.

— Спокойной ночи, — сказала она и села в такси.

Машина тронулась. Дэйли смотрела в заднее стекло, пока его фигура не растворилась в темноте. Потом откинулась на сиденье и закрыла глаза.

Водитель покосился на неё в зеркало.

— Девушка, вам куда?

— Домой, — сказала она. — И помедленнее.

Она улыбнулась, не открывая глаз. Впервые за долгое время ей не хотелось, чтобы вечер заканчивался.

Август в этом году выдался жаркий, и Дэйли почти поверила, что сможет не думать о Франке. Почти.

Глава 4

Она не видела его три недели. Не искала встреч, не спрашивала о нём у Сюзанны — хотя та смотрела на неё каждый раз с таким видом, будто знала что-то, чего Дэйли не говорит вслух. Дэйли много работала, ходила по утрам на пробежку, красила ногти в цвет лета и отвечала на сообщения мужчин односложно.

Всё было как раньше. Только вечерами, когда город остывал и в открытое окно тянуло жасмином, ей становилось не по себе. Она лежала на кровати и смотрела в потолок, и в голове крутилось одно и то же: его рука на её талии, его голос у виска, его пиджак на её плечах. Она запрещала себе это. И всё равно вспоминала. В последнюю пятницу августа Сюзанна позвонила и без предисловий сказала:

— В субботу все едем на озеро. Ты с нами.

— Я занята.

— Чем?

— Свиданием.

— С кем?

Дэйли помолчала. Свидания не было, и она это знала, и Сюзанна это знала.

— С собой, — сказала Дэйли. — У меня маска для волос.

— Смешно. Едешь. Берём лодку, шашлык, вино. И да, Франк будет.

У Дэйли внутри всё оборвалось.

— Я не поеду.

— Боишься?

— Не начинай.

— Тогда приезжай. В одиннадцать у моста. И не опаздывай.

Сюзанна отключилась.

Дэйли просидела с телефоном в руке минут десять. Потом встала, подошла к шкафу и начала перебирать купальники. Потом опомнилась и закрыла шкаф.

— Я не поеду, — сказала она вслух.

Утром в субботу она стояла у моста в белом льняном платье, с пляжной сумкой через плечо и тёмными очками, за которыми прятала недосып. Все уже собрались. Сюзанна, несколько её друзей, пара, которую Дэйли видела на ужине, и он. Франк стоял у машины, в светлых шортах и белой футболке, и, когда Дэйли подошла, посмотрел на неё поверх солнцезащитных очков. Медленно. С головы до ног. И улыбнулся уголком рта.

— Ты приехала, — сказал он.

— Меня привезли.

— Врать ты не умеешь.

— Я не вру. Я приехала на машине.

Он снял очки. Глаза у него были тёмные, с золотистой искрой на солнце.

— Приехала — и уже оправдываешься. Значит, скучала.

— Я не скучала.

— А я скучал.

Дэйли замерла. Он сказал это просто, без игры, глядя ей прямо в глаза. Ветер с озера шевелил его тёмные волосы, и он не отводил взгляда.

— Ты не умеешь просто молчать, да? — спросила она.

— С тобой — нет.

Сюзанна закричала что-то про лодку, и все двинулись к пирсу. Дэйли пошла первой, чтобы не стоять с ним рядом. Он пошёл следом, и она чувствовала его взгляд на своей спине всю дорогу до воды. Лодка была старенькая, деревянная, с облупившимся синим бортом. Дэйли села на корму, подальше от Франка. Он сел напротив, вытянул ноги, и его колени почти касались её. Она поджала ноги.

— Боишься задеть меня? — спросил он.

— Боюсь замочить платье.

— Оно всё равно намокнет.

— С чего бы?

— Потому что я тебя брызну.

Дэйли подняла бровь.

— Попробуй.

Он наклонился, зачерпнул ладонью воду и плеснул в неё — легко, по касательной, так что на белом льне расплылись тёмные капли. Дэйли ахнула.

— Ты что делаешь?!

— Брызгаю.

Она зачерпнула воду двумя руками и выплеснула ему на грудь. Футболка прилипла к телу, обрисовала плечи, живот, и Дэйли на секунду забыла, что надо злиться.

— Теперь мы квиты, — сказала она, отворачиваясь.

— Не совсем.

Он схватил её за лодыжку. Быстро, крепко. Дэйли вскрикнула, попыталась вырваться, но он держал её ногу над водой, у самой поверхности, и смотрел с той самой ленивой улыбкой.

— Отпусти, — выдохнула она.

— Скажи, что скучала.

— Ни за что.

— Тогда искупаешься.

Он опустил её ногу ниже. Вода коснулась пятки. Холодная.

— Франк!

— Ну?

— Отпусти, идиот!

— Не то слово.

Сюзанна с носа лодки обернулась и покачала головой.

— Вы как дети, — сказала она.

— Он первый начал! — крикнула Дэйли.

Франк разжал пальцы. Дэйли одёрнула ногу, прижала к себе, и они уставились друг на друга — она с пылающими щеками, он с брызгами на лице и мокрой футболкой. И оба вдруг рассмеялись. Громко, неожиданно, одновременно. Смех получился каким-то счастливым, детским, и Дэйли не сразу поняла, что смеётся не она одна — что он тоже запрокинул голову, и на его лице впервые не было ни маски, ни вызова. Только лето, озеро и она. Они смеялись до

слёз, и лодка качалась под ними, и вода плескала о борт. Потом смех стих, и осталась только эта дрожащая тишина между ними, наполненная солнцем и запахом озера.

— Ты скучала, — сказал Франк уже без улыбки.

Дэйли посмотрела на него. Мокрый, с каплями на лице, с прилипшей к груди футболкой, он был похож не на того отполированного незнакомца из ресторана, а на обычного парня, с которым хочется дурачиться и плескаться и не думать ни о чём.

— Допустим, — сказала она тихо.

— Допустим — что?

— Допустим, я скучала.

— Я знал.

— Откуда?

— Ты приехала к мосту. Ты бы не приехала, если бы не скучала.

Дэйли отвернулась к воде. Правда была в том, что он снова оказался прав, и от этой правды было некуда деться. Лодка добралась до середины озера, и все стали прыгать в воду. Кто-то с разбегу, кто-то осторожно, с лесенки. Сюзанна скинула сарафан и нырнула первой, подняв столб брызг. Дэйли осталась сидеть на корме, подставив лицо солнцу.

— Ты не купаешься? — спросил Франк.

— Я не взяла купальник.

— Врёшь.

Она действительно взяла. Он снова видел её насквозь, и это злило, и это нравилось, и она не знала, чего больше.

— Не твоё дело, — сказала она.

— Иди переоденься. Я отвернусь.

— Ты не отвернёшься.

— Отвернусь. Обещаю.

Дэйли поколебалась. Потом взяла сумку и пошла к крошечной каюте в носу лодки. Закрыла за собой шторку, стянула платье, осталась в белом раздельном купальнике. Ткань была мокрая от брызг, холодная, и соски сразу затвердели, проступили под тонкой тканью. Она накинула сверху парео, завязала на шее и вышла. Франк стоял спиной, глядя на воду. Честно. Отвернулся.

Дэйли невольно улыбнулась.

— Можешь поворачиваться, — сказала она.

Он обернулся. И замер. Его взгляд прошёл по ней — по шее, по ключицам, по едва прикрытой груди, по голым бёдрам из-под парео, — и Дэйли почувствовала, как этот взгляд обжигает, как он задерживается там, где не должен, и как у него самого перехватывает дыхание.

— Ты красивая, — сказал он. Просто, без игры.

— Я знаю.

— Нет. Ты знаешь, что ты красивая для всех. А я говорю про то, какая ты сейчас. Мокрая, злая, без маски. Вот такая ты красивая по-настоящему.

Дэйли сглотнула. Она стояла босиком на тёплых досках и не могла отвести от него глаз.

— Ты всё время говоришь так, будто видишь меня насквозь.

— Потому что вижу.

Он шагнул к ней. Медленно, как тогда на балконе. Она не отступила.

— И что ты видишь?

— Я вижу девочку, которая всю жизнь была самой красивой в комнате, и поэтому научилась быть колючей, чтобы не пускать никого слишком близко.

Дэйли замерла. Сердце ударило где-то в горле.

— И всё? — спросила она. Голос не слушался.

— Нет. Ещё я вижу, что ты хочешь, чтобы тебя кто-то остановил. Хоть раз. Чтобы не ты уходила, а тебя догнали.

Она открыла рот — и ничего не сказала. Потому что он попал. Прямо в ту точку, о которой она никогда никому не говорила, даже себе. Франк сделал ещё шаг. Теперь он стоял вплотную, и она чувствовала его дыхание на своём лице, и запах озера, и тепло, идущее от его мокрого тела.

— Я не собираюсь за тобой бегать, Дэйли, — сказал он тихо. — Я собираюсь стоять рядом. А бежать ты будешь сама. Ко мне.

— Никогда.

— Посмотрим.

Он наклонился. Медленно, давая ей время отстраниться. Она не отстранилась. Его губы коснулись её губ — легко, едва ощутимо, как вода касается берега. Дэйли зажмурилась. Поцелуй был осторожный, вопросительный, и от него у неё подкосились ноги. Он придержал её за талию, притянул ближе, и поцелуй стал глубже. Она почувствовала вкус озера на его губах, и его язык, и его руку, которая легла ей на спину, под парео, на голую кожу. Дэйли застонала ему в рот — тихо, против воли, — и вцепилась пальцами в его мокрую футболку. С носа лодки кто-то заулюлюкал. Сюзанна присвистнула.

— Ну наконец-то! — крикнула она.

Дэйли оторвалась от Франка, тяжело дыша. Губы горели. Голова плыла. Она смотрела на него, а он на неё, и между ними трещало так, что, казалось, воздух вот-вот вспыхнет.

— Это ничего не значит, — выдохнула она.

— Конечно, — сказал он и снова поцеловал её.

На этот раз никто не смеялся. Второй поцелуй был другим. Не осторожным, не вопросительным — уверенным, жадным, как будто он всё это время только и ждал, чтобы она перестала упираться. Франк прижал её к себе, одна рука на спине, вторая запуталась в мокрых волосах на затылке, и целовал так, что у Дэйли исчезли и лодка, и озеро, и все, кто на них смотрел. Она отвечала. Честно, взахлёб, не думая. Её ладони скользнули по его груди, по мокрой футболке, вверх, к плечам, и она почувствовала, какие они твёрдые, и как перекачиваются мышцы под её пальцами.

— Франк... — выдохнула она между поцелуями.

— Мм?

— Здесь все...

— Плевать.

Он снова её поцеловал, и она согласилась — плевать. Плевать на всех. Сюзанна и остальные на другом конце лодки затихли, и Дэйли краем сознания понимала, что они делают вид, будто заняты своими делами, но ей было всё равно. Наконец он оторвался. Оба дышали тяжело, как после бега. Его лоб прижался к её лбу, мокрые волосы упали ей на щеки.

— Ну вот, — сказал он тихо, хрипло. — Теперь ты не скажешь, что это ничего не значит.

Дэйли открыла глаза. Он был так близко, что она видела капельки воды на его ресницах, и мелкую царапину на скуле, и как бьётся жилка на шее.

— Ты невыносим, — прошептала она.

— Ты уже говорила.

— И скажу ещё.

— Говори. Мне нравится, как ты это говоришь.

Она засмеялась — тихо, уткнувшись лбом в его плечо. От него пахло озером и солнцем и тем самым кедром, только теперь к нему прибавилась вода, и этот запах стал ещё ближе, ещё роднее.

— Я мокрая, — сказала она.

— Я тоже, — Франк усмехнулся. — И это не только озеро.

Дэйли толкнула его в грудь — не сильно.

— Пошляк.

— Ты сама начала.

Они стояли, покачиваясь вместе с лодкой, и не размыкали рук. Дэйли вдруг поняла, что ей не хочется отходить. Что вот так, прижавшись к нему, она чувствует то, чего не чувствовала с другими, — спокойствие. Странное, тёплое спокойствие, будто она наконец перестала держать оборону.

— Что с нами происходит? — спросила она.

— Хороший вопрос.

— У тебя нет ответа?

Франк помолчал, погладил её по спине — легко, по позвоночнику, и она поёжилась от мурашек.

— Есть, — сказал он. — Но я не хочу пугать тебя раньше времени.

— А ты попробуй.

Он отстранился, заглянул ей в глаза. В его взгляде было что-то серьёзное, чего Дэйли раньше не видела, и от этого у неё снова поджались колени.

— Я думаю, — сказал он медленно, — что мы с тобой оба слишком долго притворялись, что нам никто не нужен. А теперь устали.

— И что?

— И теперь нам страшно. Потому что нужен кто-то. По-настоящему.

Дэйли смотрела на него и не могла дышать. Он снова сказал вслух то, что она прятала глубоко, и от этого было и облегчение, и паника сразу.

— Ты психолог, — пробормотала она.

— Нет. Просто я чувствую то же самое.

Она опустила взгляд на его грудь, на мокрую футболку, под которой быстро билось сердце. Подняла руку, положила ладонь ему на грудь. Он накрыл её ладонь своей.

— Мне страшно, — призналась она еле слышно.

— Мне тоже.

Солнце уже клонилось к воде, и по озеру бежала золотая дорожка. Лодка покачивалась. Где-то кричали чайки, и с берега тянуло дымом от костра.

— Я не умею по-другому, — сказала Дэйли. — Я умею только отшивать и убегать.

— А я умею только делать вид, что мне всё равно.

— Отличная пара.

— По-моему, да.

Она подняла на него глаза и вдруг улыбнулась — открыто, без колкости, впервые за всё время.

— Ты всё равно меня бесишь.

— Знаю. — Франк улыбнулся в ответ. — И это не пройдёт.

— А что пройдёт?

— Ничего. Я не дам тебе сбежать.

Он сказал это так просто, что у Дэйли перехватило дыхание. Она не ответила. Просто снова прижалась к нему, уткнулась лицом в его шею и закрыла глаза. Лодка плыла к берегу, солнце садилось, и впереди было лето — длинное, жаркое, с его руками и его губами и этим новым, пугающим, тянущим чувством, которое Дэйли не решалась назвать. К берегу они вернулись уже в сумерках. Солнце село, но небо ещё догорало — розовое, с лиловыми полосами, и вода у причала была тёплой и гладкой, как масло. Франк подал Дэйли руку, помогая выбраться на пирс. Она приняла её, хотя могла обойтись, и задержала свои пальцы в его чуть дольше, чем нужно. Он заметил и улыбнулся краем рта.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.